
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

УДК: 911.3:316

Карачурина Л.Б., Иванова К.А. (Москва)

МИГРАЦИЯ ПОЖИЛЫХ В РОССИИ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 Г.)*

Karachurina L.B., Ivanova K.A.

Migration of the elderly in Russia (according to 2010 census data)

Аннотация. В статье анализируются региональные особенности миграции населения пожилых возрастов в России. На основе данных, сконструированных по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., выявлена доля лиц возрастов 60 лет и старше в структуре межрегиональных и внутрирегиональных миграционных потоков и интенсивность этого вида миграции. Оценка интенсивности миграции лиц пожилого возраста в России демонстрирует значительную региональную дифференциацию. На общероссийском фоне высоким уровнем интенсивности миграции пожилых выделяются дальневосточные и северные территории. При этом начало выезда «на пенсию» из этих регионов происходит обычно раньше, чем это устанавливает граница пенсионного возраста для мужчин и женщин в России. И в целом миграция пожилых из северных регионов является переселением «молодых пожилых». К регионам с низкой интенсивностью миграции людей пожилого возраста относится подавляющее число республик и автономий. В статье также определены основные центры притяжения и оттока мигрантов пожилых возрастов внутри РФ, общие особенности миграции пожилых в России.

Abstract. The article analyzes the regional characteristics of migration of the elderly in Russia. Using the data, composed on the basis of the National Population Census of 2010, we allocate the share of people aged 60 and older in the structure of the inter-regional and intra-regional migration flows and describe the intensity of this type of migration. The results of the analysis demonstrate that intensity of the migration of the elderly differs across the regions. The highest migration intensity is observed in the Far East and northern territories. Retirement migration from these regions happens before people reach the legally defined retirement age for men and women in Russia. In fact, migration of the elderly from the northern regions is the resettlement of the 'young-elderly'. Low migration intensity of the elderly is characteristic for most of the republics and autonomous okrugs. In the paper, we also define major centers of in-migration and out-migration of the elderly within the Russian Federation, as well as outline general characteristics of the migration of the elderly in Russia.

Ключевые слова: миграция пожилых, интенсивность миграции, внутрирегиональная миграция, межрегиональная миграция, миграционный прирост (убыль).

Key words: the migration of the elderly, the intensity of migration, intra-regional migration, inter-regional migration, migration increase (decrease).

Введение. Повсеместно затронувшее развитые страны мира старение населения, рост продолжительности здоровой жизни, активности в пожилых возрастах, вариативности социального поведения, рост накопленного благосостояния привели к значимым изменениям. В развитых обществах выход на пенсию знаменует начало нового жизненного этапа, часто связанного с поиском лучших условий для более спокойного образа жизни. В новом месте пенсионеры активно участвуют в общественной жизни, занимаются волонтерской деятельностью, помогают

в воспитании внуков, тем самым высвобождая женщин для активной занятости, в сельской местности нередко выступают в роли предпринимателей, имея небольшие фермерские хозяйства или просто наслаждаясь жизнью на природе [25]. При этом мотивы, направленность и интенсивность миграции пожилых показывают селективность по их возрастам, полу, зависят от имущественного положения и созданных накоплений, предыдущего миграционного опыта, наличия родственников, типа территории проживания до выхода на пенсию и целого ряда

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2017 г.

других обстоятельств. В европейской и американской исследовательской школе, где этот научный вектор зародился и развивался на протяжении уже нескольких десятилетий, накоплен большой массив работ самого разного толка и направленности. В России – по-видимому, в силу длительного отсутствия данных по половозрастной структуре миграции по потокам в региональном разрезе работ, анализирующих возрастную специфику миграции и в частности миграции пожилых, почти не было.

Обзор исследований. Зависимость миграции от возраста участников процесса впервые была подмечена Д. Томас еще в 1938 г. [27]. В работах Г. Фридзама на основе данных переписи населения США 1940 г. выявлялась зависимость миграции пожилых от расстояния [10]. Интерес к этому виду миграции усилился под воздействием продолжающегося в развитых странах мира старения. Исследования Е. Литвака и К. Лонгино [16], Р. Висмана [28], Е. Лундхолма [17], Н. Сандер и М. Бэлла [22], А. Стокдэйла [25, 26], Д. Раймера с коллегами [19] и др. показали разнообразие моделей социально-демографического и миграционного поведения пожилых в рамках теории жизненного пути, барьеры в такого рода миграциях, различия в мотивации и приоритетах при выборе места жительства у пожилых мигрантов разных возрастов. Ряд исследователей (А. Шарма [24], А. Каваса и К. Наказава [14]) оценивали степень миграционной привлекательности территорий для пожилых.

У. Сероу в зависимости от демонстрируемой миграционной активности разделил пожилых мигрантов на две группы: «молодые» пожилые – от 60 до 74 лет и «старые» пожилые – 75 лет и старше [23], подобный подход, основанный на мотивации передвижения пожилых, использовали Д. Рэймер с соавторами [19]. Относительно молодые, обеспеченные и образованные люди в возрастах от 60 до 74 лет перемещаются в поиске благоприятных природных условий. Мобильность населения 75 лет и старше часто связана с трагическими событиями (серьезной болезнью либо смертью одного из супругов), неспособностью вести подсобное хозяйство, потерей бизнеса [9].

С возрастом пожилых связаны и приоритетные направления миграции: для молодых

пожилых это «город-село», для старых пожилых – «село-город». Преимущества и недостатки городов для жизни пожилых людей очевидны. Для совсем старых людей важным является наличие и близость медицинских учреждений, аптечных пунктов и т.п. Сообразуясь с этими особенностями в европейских странах некоторые малые населенные пункты привлечение пожилых мигрантов выбирают в качестве пространственной стратегии развития: пенсионеры помогают поднять местную экономику за счет уплаты налогов, обеспечивают рост банковских депозитов, расширяют возможности трудоустройства местных жителей в сфере экономики заботы [21]. Так возвратная миграция пожилых в небольшие города и поселения своего детства рассматриваются властями одного из районов северо-запада Финляндии как наиболее оптимальная стратегия его развития [13]. Применительно к современным российским реалиям К. Аверкиева отмечает, что в Нечерноземье создаются дома престарелых на базе сельских амбулаторий, куда перевозят самых старых и немощных. Такие практики позволяют развиваться (или «выживать») населенным пунктам, создавать на селе новые рабочие места и в целом выступают адаптивными социальными инновациями территорий [1]. Массовым явлением, однако, эти процессы пока не стали. И в целом на протяжении длительного времени считалось, что в России миграция пожилых незначительна и не оказывает заметного влияния на демографические структуры и общую мобильность населения [4] и тем более, на экономическую устойчивость поселений.

Исходя из этого, задачи данной работы заключались в том, чтобы понять каковы масштабы этого явления и интенсивность внутрисероссийской миграции пожилых в России и как по этому параметру дифференцированы регионы России. К сожалению, имеющиеся данные приурочены к одной дате (Всероссийской переписи населения 2010 г. [ВПН-2010]) и не позволяют говорить о динамике этого процесса и, соответственно, понять, насколько всесторонний исследовательский интерес к миграции пожилых, наблюдающийся в развитых странах, может быть реализован в России. Считаем, однако, что и статистический анализ миграции пожилых применительно к регионам России, может быть полезным в качестве первого опыта такого рода исследований.

Информационные источники. Использование данных ВПН-2010 г. позволяет выполнить анализ миграционных потоков на внутри- и межрегиональном уровне, отдельно по каждому региону России и получить относительно полную пространственную картину мобильности пожилых. Переписные листы ВПН-2010, содержали вопрос: «Где вы проживали в октябре 2009 года?», то есть за год до переписи. Распределение ответов на этот вопрос по однолетним возрастным группам стало основанием для расчетов возрастных коэффициентов интенсивности миграции для прибывших и выбывших в каждом регионе России, в внутри- и межрегиональном потоках. Напомним, что в соответствии с методологией переписи прибывшими в регион считаются лица, которые за год до переписи проживали в ином субъекте РФ; выбывшими из региона – лица, которые покинули его за год до переписи.

Отдельный методологический аспект связан с самим понятием «пожилой мигрант». Наиболее распространенной границей при анализе миграции пожилых считается пенсионный возраст. Для многих европейских стран он составляет 65 лет, для других находится выше этой отметки или разнится по полу. Поэтому любые аналитические границы в той или иной степени являются условными. Кроме того, ряд зарубежных ученых [17, 26] полагают, что для системного взгляда на миграцию пожилых рассматриваться должны также мигранты в предпенсионных возрастах. Н. Сандер и М. Бэлл [22] на данных обследования рабочей силы Австралии, установили, что выход на пенсию представляет собой «спусковой механизм» мобильности в пожилом возрасте, но при этом 40% мигрантов составляют досрочные пенсионеры.

В данной работе аналитической границей стал возраст 60 лет – начало старости по шкале Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета; этот возраст также является официальным возрастом выхода на пенсию мужчин и распространенным возрастом выхода на пенсию женщин¹ в современной России.

Основные результаты исследования.

Возрастной профиль миграции в России. В середине 1980-х гг. в работах, выполнен-

ных под руководством А. Роджерса удалось найти эмпирическое подтверждение гипотезы Д. Томаса о возрастной селективности миграции. Был разработан так называемый «стандартный» возрастной профиль интенсивности миграции [8, 20]. Он иллюстрирует интенсивность миграции на разных этапах жизненного пути: первый пик – детский – пропорционален пику в средних возрастах – возрастах потенциального родительства, второй пик – самый мощный – связан с отъездом молодежи на учебу, наконец, еще две выпуклости – совсем не столь значительны как детский и молодежные пики и относительно растянуты по возрастной шкале – соответствуют возрастам выхода на пенсию и глубокой старости [20].

Профиль возрастных интенсивностей внутрироссийской миграции, построенный по данным ВПН-2010 (рис. 1) показывает, что, хотя детский пик и пик в молодежных возрастах являются очень существенными на фоне интенсивностей в других возрастных группах, но наблюдается и постепенное повышение интенсивности миграции к очень пожилому возрасту. При этом значительны различия между потоками внутри- и межрегиональной миграции. Межрегиональная интенсивность переселений существенно ниже, чем внутрирегиональная. В переселениях внутри регионов интенсивность миграции в 80 лет примерно такая же, как в 40-летнем возрасте.

При анализе части общего профиля возрастной интенсивности миграции – на отрезке от 50 лет и старше, можно увидеть две волны небольшого роста (рис. 2). Первая набирает силу в предпенсионных возрастах, достигая максимума в 55–56 лет, вторая волна, более выраженная для внутрирегиональной миграции, начинается в 73–74 года и продолжается вплоть до 85–90 лет.

Итак, в России, как и в других странах, выделяются две группы пожилых мигрантов, которыми, по-видимому, двигают различные мотивы: «молодые пожилые» (60–74 года) выходя на пенсию переезжают в более благоприятные для себя условия, в том числе в другие регионы; «старые пожилые» (75 лет и старше) переселяются в связи с невозможностью жить самостоятельно, в основном эти передвижения происходят во внутрирегиональном пространстве.

¹ В 2014 г. уровень занятости женщин в возрастной группе 55–59 лет составил 51,9% от численности женщин данной возрастной группы и 25,4% в группе 60–64 года // Труд и занятость в России – 2015. М.: Росстат, 2016.

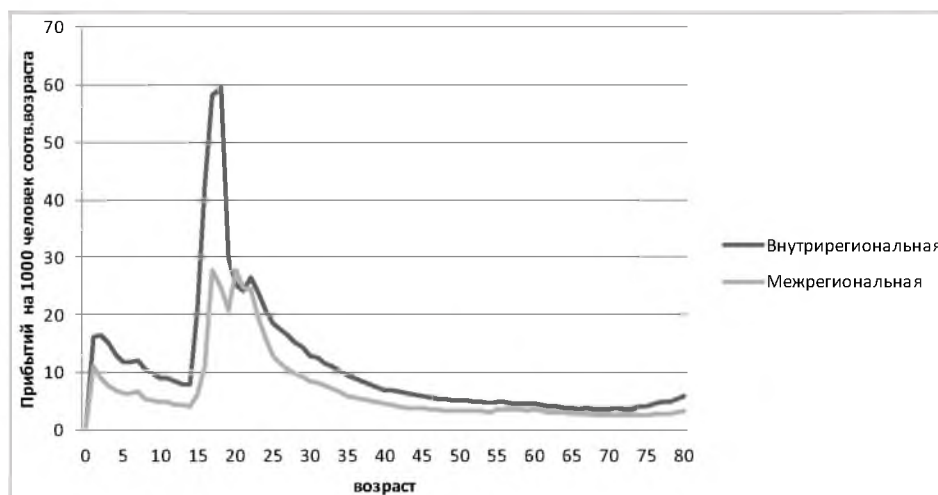

Рис. 1. Интенсивность прибытий во внутреннюю миграцию в России, на 1000 человек данной возрастной группы, 2010 г.

Здесь и далее рассчитано по данным ВПН-2010.

URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

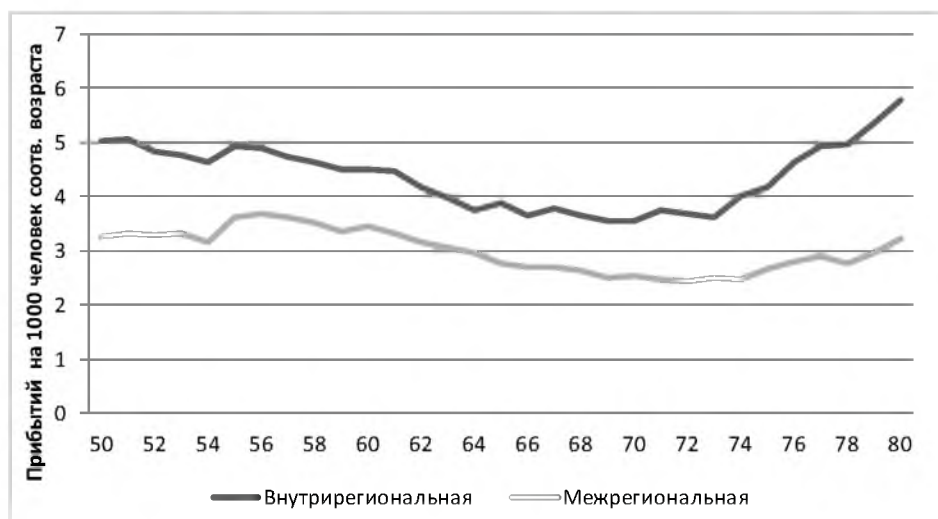

Рис. 2. Интенсивность внутренней миграции пожилых в России, 2010 г.

При этом в масштабах страны интенсивность локальных переселений в совсем старых возрастах на возрастном профиле выглядит существенно мощнее, чем такого же типа перемещений в более молодых пенсионных возрастах. Исследование Л. Филипа с коллегами [18], показывает, что в Великобритании локальные миграции, связанные с пенсией, были наиболее вероятными, когда домовладелец находился в возрасте старше 65 лет, а межрегиональные были наиболее распространены, когда домовладелец был в возрасте 50–64 года.

Пространственная локализация России накладывает свой отпечаток на возрастные

особенности миграции пожилых: в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях пик миграции пожилых смещен в сторону более ранних возрастов 50–55 лет. Это происходит в связи с тем, что жители этих местностей имеют право выходить на пенсию на пять лет раньше общероссийского графика. Кроме того, широко распространена практика выхода на пенсию не по возрасту, а при накоплении «северного» трудового стажа (15, 20, 25 лет и более), который позволяет выйти на пенсию, получать увеличенную «северную» пенсию и сохранить ее повышенный размер даже после переезда в другой регион страны. В результате, выход

на пенсию для северян удлинняется и находится, как правило, в интервале от 45–60 лет [2]. Например, в Магаданской области в возрастах с 50 до 59 лет уезжают 16,2% всех выбывших, с 60 до 69 лет еще 8,4%, с 70 до 79 лет – около 2% и старше 80 лет только 0,5% всех переселяющихся. И в целом на миграцию, которая не по границе старости, а по логике свершающихся переселений может быть отнесена к «миграции пожилых», приходится 27% всех выбытий.

Соответственно активное участие в миграции (по выезду из этих территорий) тоже наступает раньше, и, кроме того, дополнительно растягивается по возрастной шкале, не давая активно проявиться «обычному» для европейских стран и США пику, связанному с выходом на пенсию. «Северная миграция», остающаяся важнейшим компонентом внутренней миграции в России сглаживает первый пик миграции пожилых. Второй пик – в более преклонных годах проявляется в России так же как за рубежом. Внутрорегиональное перераспределение является доминантным, что свидетельствует о склонности пожилых мигрировать на относительно короткие расстояния и о том, что значительная их часть участвует в возвратной миграции.

Региональные особенности миграции пожилых. Региональные различия по доле мигрантов в возрасте 60 лет и старше от общего числа лиц, отметивших, что за год до ВПН-2010 г. они проживали в других населенных пунктах России, достаточно существенны.

В территориях староосвоенной части России, в особенности в Тверской, Рязанской, Ленинградской, Новгородской, Тульской областях, мигранты пожилых возрастов составили более 10% от общего входящего потока. Именно в регионы центральной России, а также соседние регионы (например, Тюменскую область) направлен основной поток северных пенсионеров – как самостоятельный, так и организованный. Например, программы «Наш дом» и «Мой дом», реализуемые ПАО «ГМК «Норильский никель» с 2010 г., предполагают покупку квартир в благоприятных для проживания регионах России для своих пенсионеров, при этом предприятие оплачивает до половины стоимости жилья². Одной из важных причин для выбора места жительства всегда

является возврат к территориям исхода [5] и помощь в обустройстве со стороны «социальных сетей», которые таким образом формировали целые «колонии» северян-переселенцев где-нибудь в Калуге, Тамбове или Бутурлиновке.

Соответственно дальневосточным и сибирским регионам свойственен высокий уровень **интенсивности выбытия лиц старше 60 лет**. Первую пятерку формируют: Тыва (15,1 выбытий на 1000 населения), Чукотский АО (13%), Магаданская область (10,8%), Якутия (9,9%), Мурманская область (9,3%). Высокой интенсивности выезда пожилых из северных территорий способствует сложившаяся еще в советское время модель некоего миграционного цикла: отъезд в возрасте 20–35 лет на заработки, постепенный возврат обратно «на материк» по достижении стажа или пенсионного возраста. Этот жизненный цикл, в отличие от описываемого в зарубежной литературе жизненного пути (life course), представляет собой в первую очередь именно цикл, и он связан не столько с вехами на пути личного и семейного становления, сколько с особенностями советской модели освоения пространства и зарабатывания средств.

При этом во всех несеве́рных регионах значительны различия в общей интенсивности выезда пожилых между группой молодых и старых пожилых в пользу старшей группы. В абсолютных же значениях миграция людей старше 75 лет совсем невелика и даже незначительное количество выездов оказывается существенным для показателей интенсивности. Так, в Курской области для 60–74-летних она составляет 5,2‰, для людей старше 75 лет – 11,7‰; для Воронежской области 5,0 и 9,1‰ соответственно и т.д. Чем севернее и восточнее расположен регион, тем выше вероятность появления обратной пропорции: в Чукотке 60–74-летние выезжают в 3 раза более интенсивно, чем люди старше 75 лет. На Камчатке, в Магаданской и Мурманской областях к 75 годам выезжать уже фактически некому. Все, кто хотел, выехали раньше. Минимальные показатели свойственны республикам Северного Кавказа. Здесь это связано как с соблюдением традиций, предписывающих пожилым находиться рядом с молодыми, так и с низким качеством данных переписи (в некоторых

² Отчет о корпоративной социальной ответственности Группы компаний «Норильский никель» за 2015 г. URL: http://www.nornik.ru/assets/files/2016/NN_CSO2015.pdf (Дата обращения: 22.08.2017)

республиках). Различия между Чукоткой и Чечней в интенсивности выбытия пожилых достигают почти 15 раз.

К регионам с низкой интенсивностью внутрироссийской миграции пожилых по выбытию относятся также Москва и Санкт-Петербург. Здесь причины пассивности – в нежелании терять предоставляемые социальные льготы, московскую прибавку к пенсии, более качественную и доступную медицинскую помощь, расширенные возможности проведения досуга и в целом бытового благополучия. Можно предположить, что в результате этого здесь имеет место быть и статистическая неувязка: пожилые из столиц выезжают, но без статистической фиксации этого события и, кроме того, зачастую по-видимому, сезонно. По крайней мере, многочисленные дачные колонии, почти сомкнувшиеся между Москвой и Санкт-Петербургом, и ареалом охватывающие территории едва ли не до 500 км вокруг Москвы [6, 7] косвенно свидетельствуют именно об этом.

На дачный феномен миграции пожилых, на наш взгляд, указывает и анализируемая статистика: относительно высокая **интенсивность** межрегиональных **прибытий** пожилых отмечается для регионов дачного освоения: Вологодской, Костромской, Владимирской, Тверской, Московской областей, высокая для Новгородской, Псковской, Ленинградской областях. Можно предположить, что если бы в статистику попадала вся миграция пожилых, то показатели были бы еще выше.

Кроме этих центральных и северо-западных регионов высокой интенсивностью межрегиональных прибытий отличаются Белгородская область, Адыгея, Краснодарский и Ставропольский края, Тюменская область, Еврейская автономная область – то есть «юга» российского и районного масштабов.

Мы попытались разделить российские регионы по интенсивности прибытий пожилых на типы – в зависимости от параметров: интенсивности всех прибытий в возрастах старше 60 лет, внутри- и межрегиональной интенсивности прибытий в этих возрастах. Анализируя итоги, представленные в таблице 1, необходимо учитывать, что, во-первых, реальная дифференциация регионов по показателям интенсивности, в отличие от минимального диапазона, невелика (большинство регионов укладывается в характеристики «средняя» и находится вблизи среднероссий-

ского уровня), во-вторых, в регионах с малой численностью населения пожилых возрастов даже совсем небольшое число событий (переездов пожилых) способно оказывать влияние на принадлежность к тому или иному типу и потому представленную типологию нельзя абсолютизировать. Каждый из показателей внутри- и межрегиональной интенсивности был разделен на три группы, соответственно с высокими, средними и низкими значениями полученных коэффициентов. Таким образом было сформировано 9 групп регионов, с разной степенью наполненности представленных на пространстве России.

И внутри-, и межрегиональной высокой интенсивностью прибытий пожилых мигрантов отличается всего три региона. Противоположно – низкой интенсивностью миграции пожилых и на локальном, и на межрегиональном уровне – выделяются только северокавказские республики. В целом средние и низкие значения и внутри-, и межрегиональной миграции пожилых свойственны также республикам Поволжья. Вообще, кроме национальных образований Сибири и Дальнего Востока, а также Адыгеи, республики отличаются, как правило, невысокой интенсивностью миграций пожилых. Видимо, пенсионеры в них, если и перемещаются, то только в границах своих регионов.

В пристольных областях – Московской и Ленинградской – низкие параметры интенсивности внутрирегиональной миграции пожилых, но высокие – для внешних. Это могут быть пожилые мигранты, переезжающие из столиц: такой шаг был бы естественным и логичным решением для многих из них уйти от городской скученности и улучшить свое материальное положение (на разнице в ценах на жилье в столицах и пригороде). Однако в реальности подобная миграция сдерживается более комфортным «социальным пакетом» в столицах. Пристольные области могут быть привлекательными для «молодых пожилых», перебирающихся к своим детям, нашедшим счастье в Москве или Санкт-Петербурге и заинтересованным в покупке жилья по меньшим, чем в столицах, ценам.

В целом регионам Центрального округа свойственна низкая интенсивность внутрирегиональной миграции пожилых, по-видимому, это нежелание «менять шило на мыло».

Таблица 1

Типология регионов РФ в зависимости от коэффициентов интенсивности прибытий всех видов в возрастах старше 60 лет, прибытий в внутрирегиональных передвижениях, прибытий в межрегиональных передвижениях, ‰, 2010 г.

Сочетания значений коэффициентов внутри-региональной (первая буква*) и межрегиональной (вторая буква**) миграции населения 60+	Коэффициент интенсивности прибытий пожилых всех потоков:			ВСЕГО регионов	Примеры регионов
	Высокий	Средний	Низкий		
ВВ	3			3	Вологодская, Бурятия, Алтай
ВС	5			5	Кировская, Алтайский, Красноярский, Забайкальский края, Якутия (Саха)
ВН	1			1	Тыва
СВ	3	1		4	Белгородская, Костромская, Псковская; Рязанская
СС	2	12		14	Курганская, Амурская; Архангельская, Карелия, Волгоградская, Оренбургская, Калмыкия, Башкортостан, Удмуртия, Чувашия, Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская
СН		1		1	Пермский край
НВ	4	7	3	14	Ленинградская, Новгородская, Хакасия, Еврейская авт. обл.; Тверская, Московская, Краснодарский, Ставропольский края, Адыгея, Тюменская, Магаданская; Владимирская, Калужская, Калининградская
НС		6	27	33	Брянская, Курская, Орловская, Марий Эл, Приморский, Хабаровский края; Воронежская, Ивановская, Липецкая, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ярославская, Москва, Санкт-Петербург, Коми, Мурманская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Мордовия, Татарстан, Астраханская, Ростовская, КЧР, Свердловская, Челябинская, Кемеровская, Камчатский край, Сахалинская, Чукотский АО
НН			5	5	Ингушетия, Дагестан, КБР, Сев. Осетия, Чечня
Итого	18	27	35	80	

*В – высокий (выше 4,5‰), С – средний (4,5–3‰), Н – низкий (ниже 3‰)

**В – высокий (выше 2‰), С – средний (2–1‰), Н – низкий (ниже 1‰)

Составлено по данным: ВПИИ-2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

В рамках межрегиональной миграции средней и высокой интенсивностью прибытий отличаются лесостепные и степные регионы страны – от западных границ и вплоть до Алтайского края и далее по южной границе страны до Приморского края. В этом смысле, даже без скрупулезного изучения мотивации миграции пенсионеров, можно говорить о том, что пожилые, особенно «молодые пожилые», хотят переселяться в более комфортные природно-климатические условия, к тому же позволяющие заниматься личным сельским хозяйством. Кроме того, значительная часть этих перемещений находится в рамках миграции из обширных российских «северов»,

в том числе возвратной [5]. В целом природно-климатическая детерминанта миграции пожилых описывается как повсеместно важная [15, 24], причем не только во внутристрановом пространстве, но и при перемещениях пенсионеров, например, из стран Северной Европы в Испанию, Португалию, Кипр, Мальту [11, 12].

Основные центры притяжения и оттока пожилых мигрантов. Расчеты возрастных коэффициентов миграционного прироста показывают, что в России в 2010 г. насчитывалось 44 региона, имеющих отрицательный коэффициент миграционного прироста населения 60-ти лет и старше.

Максимальная убыль в расчете на 1000 населения наблюдалась из регионов с суровыми климатическими условиями, досрочным выходом на пенсию и высокими доходами трудоспособного населения – Чукотского АО (-32,1), Магаданской, Мурманской областей, Якутии и Камчатского края.

Центрами притяжения стали староосвоенные приграничные области – Ленинградская (3,9), Белгородская, Псковская; регионы с развитой системой социальных гарантий для пенсионеров; а также южные Адыгея и Краснодарский край. Интересно, что Адыгея не менее привлекательна для пенсионеров, чем признанный центр аттрактивности мигрантов всех возрастов – Краснодарский край. Здесь вероятно влияют более низкие цены на жилье в Адыгее и сравнительно меньшая конкуренция с другими мигрантами.

Показательна разница в локализации центров миграционного притяжения между двумя возрастными группами пожилых. Если для 60–74-летних привлекательны теплые южные и благополучные центральные регионы, равнинное Предкавказье, степной юг Поволжья (рис. 3), то после 75 лет к традиционным центрам добавляются регионы Южного Урала и Сибири, и в целом территориальная картина приточных регионов становится некомпактной (рис. 4). Зоны оттока молодых пожилых охватывают регионы Европейского севера, Сибири, а также весь Дальний восток, где миграционная убыль составляет более 5%.

Пестрота в локализации центров притяжения «старых» пожилых связана в том числе с отмеченными выше малыми абсолютными значениями переездов в таких возрастах. В этих условиях всего несколько совершенных «дополнительных» переездов в один регион по отношению к другому способно сильно менять региональную картину. Впрочем, отточность «северов» заметна и здесь.

Кроме того, все еще невысокая по меркам развитых стран ожидаемая продолжительность жизни и особенно ожидаемая продолжительность здоровой жизни (в среднем для обоих полов в России 63,3 года в 2015 г.³) накладывают свой отпечаток на возможности мобильности и в совсем старом возрасте, но еще больше в тех пожилых возрастах, в которых в европейских странах перемещаются активно.

Выводы. Миграция пожилого населения в России неоправданно остается в стороне от исследовательских интересов. На возраст старше 60 лет приходится 192,6 тыс. мигрантов (7,4% отметивших факт переселений по ВПН-2010).

Как и в других развитых странах мира, миграция пожилых имеет свою специфику, (внутри)возрастные и пространственные особенности, отличную от других возрастов мотивацию. В частности, различна миграционная активность «молодых» и «старых» пожилых. В «молодых» пожилых возрастах она возможно и не низкая, но существенно растянута на возрастном профиле в силу значительной детерминированности северной миграцией. По-видимому, исчерпанностью «северных» контингентов объясняется и снижение интенсивности внутренней миграции в России в 68–73 года. Миграция «старых» пожилых пока, видимо, существенно ниже, чем в государствах с высокой продолжительностью жизни и высокой продолжительностью здоровой жизни, сложившейся специальной инфраструктурой для пожилых, материальным достатком и достаточно давно сформировавшимися ценностями жизни в «серебряных возрастах».

Оценка интенсивности миграции лиц пожилого возраста в России демонстрирует значительную региональную дифференциацию. На общероссийском фоне высоким уровнем интенсивности миграции пожилых выделяются дальневосточные и северные территории. Во-многом, именно эта миграция молодых северных пенсионеров определяет ту общую интенсивность внутрироссийской миграции пожилых, которая не позволяет говорить о миграции «молодых пожилых» в России как о низкой.

К регионам с низкой интенсивностью миграции лиц пожилого возраста относится подавляющее число республик и автономий, где по-прежнему сильны традиции совместного проживания многопоколенных семей, выполнения пожилыми людьми (в первую очередь, женщинами) функций по воспитанию внуков, отсутствия финансовой зависимости от детей, привязанности к хозяйству и т.п. Если для молодежи, выезжающей из некоторых республик Северного Кавказа, Алтая, Хакасии миграционная активность

³ World Health Statistics 2017: monitoring health for the SDGs, Sustainable Development Goals. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/255336/1/9789241565486-eng.pdf>

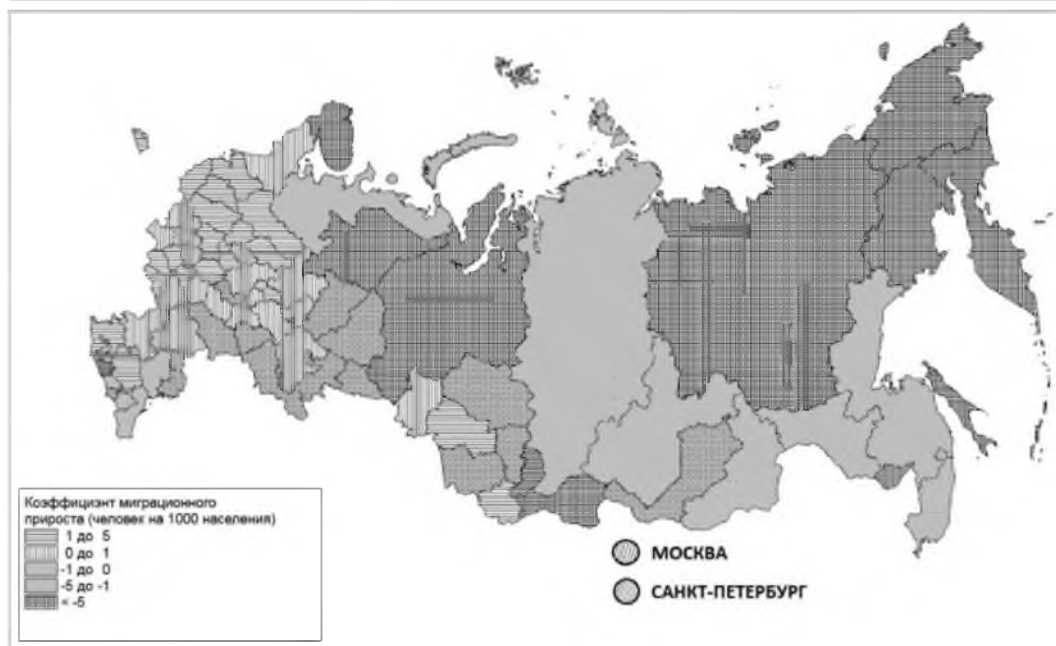

Рис. 3. Зонирование территории России по коэффициенту миграционного прироста населения в возрасте от 60 до 74 лет, Россия, 2010

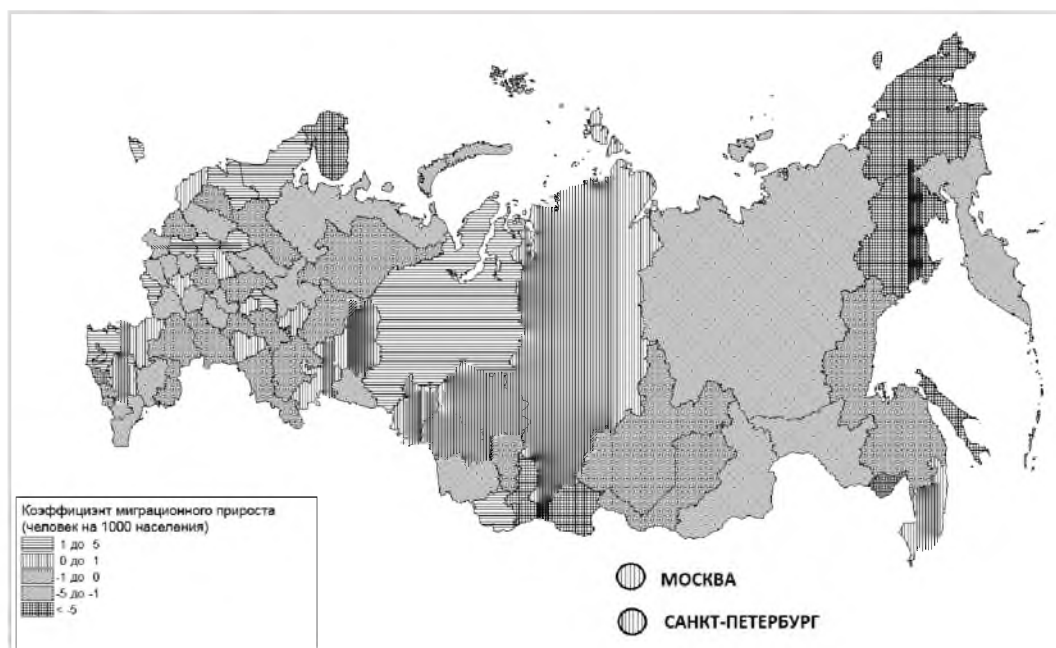

Рис. 4. Зонирование территории России по коэффициенту миграционного прироста населения в возрасте 75 лет и старше, Россия, 2010

уже вполне сопоставима с таковой же у их сверстников в староосвоенных регионах России [3], то миграция пожилых в республиках достаточно однозначно маркирует традиционалистское социальное поведение.

В центральные регионы страны пожилых привлекает, по-видимому, их «старо-

освоенность». Ведь в пожилом возрасте стабильность и устойчивость как никогда важны. Кроме того, существенной составляющей миграционных потоков, направленных сюда, является «возврат на малую Родину» (и здесь снова проявляются миграции «из северов»), относительной природно-клима-

тической благоприятности этих территорий. В целом различное участие пожилых мигрантов в пространственной мобильности ведет не только и не столько к изменению численности населения, сколько к трансформированию половозрастной структуры населения в принимающих и отдающих территориях. Одни территории за счет выезда пожилых мигрантов омолаживаются (северные), другие – например,

за счет относительно более интенсивного въезда именно такой возрастной категории мигрантов, наоборот, стареют. Впрочем, заметнее это влияние проявляется на более низком, чем региональный, пространственном уровне и именно там оно способно менять траектории социально-экономического развития и должно учитываться при формулировании местной политики. Это, однако, тема отдельного исследования.

Библиографический список

1. Аверкиева К.В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М., 2013. С. 108–125.
2. Ефремов И.А. Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/analit06.php>
3. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т.13. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203
4. Мкртчян Н. В. Возрастная структура населения России и ее влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: ИИП РАН. Гл. ред. А.Г.Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 209–221.
5. Моисеенко В.М., Чудиновских О.С. Миграционные потоки пожилого населения в России // Психология зрелости и старения. 2000. № 1. С. 28–35.
6. Нефедова Т.Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп Weekly. 2015. № 657–658. С. 1–20. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf>
7. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Россия между двумя столицами: специфика территориальных сдвигов // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 31–43.
8. Castro L., Rogers A. What the age composition of migrants can tell us // Population bulletin of the United Nations. 1983. № 15. P. 63–79.
9. Crown W.H., Longino C.F. State and regional policy implications of elderly migration // Journal of Aging and Social Policy. 1991. № 3 (1-2). P. 185–207.
10. Friedsam H.J. Inter-regional migration of the aged in the United States // Journal of gerontology. 1951. № 6 (3). P. 237–242.
11. Gustafson P. Your home in Spain: Residential strategies in international retirement migration // Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations and Experiences. 2009. Ashgate Publishing Ltd. Pp. 70–86. URL: <http://www.ashgate.com/isbn/978075469840>.
12. Innes A. Growing older in Malta: Experiences of British retirees // International Journal of Ageing and Later Life. 2008. № 3 (2). P. 7–42.
13. Jauhiainen, J.S. Will the retiring baby boomers return to rural periphery? // Journal of Rural Studies. 2009. № 25 (1). P. 25–34.
14. Kawase A., Nakazawa K. Long-term care insurance facilities and interregional migration of the elderly in Japan // Economics Bulletin. 2009. № 29 (4). P. 2981–2995.
15. Khraif R.M. The elderly return-migration in the United States: role of place attributes and individual characteristics in destination choice // Geographical Bulletin – Gamma Theta Upsilon. 1995. № 37 (1). P. 29–39.
16. Litwak E., Longino C. Migration patterns among the elderly: A developmental perspective // The Gerontologist. 1987. № 27 (3). P. 266–272.
17. Lundholm E. Return to where? The geography of elderly return migration in Sweden // European Urban and Regional Studies. 2015. № 22 (1). P. 92–103.
18. Philip L., Macleod M., Stockdale A. Retirement Transition, Migration and Remote Rural Communities: Evidence from the Isle of Bute // Scottish Geographical Journal. 2013. № 129 (2). P. 122–136.
19. Raymer J., Abel G., Smith P.W.F. Combining census and registration data to estimate detailed elderly migration flows in England and Wales // Royal Statistical Society. 2007. № 170 (4). P. 891–908.
20. Rogers A., Watkins J. General Versus Elderly Interstate Migration and Population Redistribution in the United States // Research on Aging. 1987. № 9 (4). P. 483–529.
21. Rowles G.D., Watkins J.F. Elderly migration and development in small communities // Growth and Change. 1993. № 24 (4). P. 509–538.
22. Sander N., Bell M., 2014. Migration and retirement in the life course: An event history approach // Journal of Population Research. 2014. № 31 (1). P. 1–27.
23. Serow W.J. Demographic and socioeconomic aspects of elderly migration in the 1980s // Journal of Aging and Social Policy. 1996. № 8 (1). P. 19–37.
24. Sharma A. Appreciating migration flows for health/social services planning: A case study of older adults leaving from New York to Florida // Applied Geography. 2015. № 62. P. 85–96.
25. Stockdale A. Unravelling the migration decision-making process: English early retirees moving to rural mid-Wales // Journal of Rural Studies. 2014. № 34. P. 161–171.
26. Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas // Journal of Rural Studies. 2013. № 32. P. 80–92.
27. Thomas D. S. Research memorandum on Migration Differentials. New York: Social Science Research Council. 1938.
28. Wiseman R.F. Why Older People Move: Theoretical Issues // Research on Aging. 1980. № 2 (2). P. 141–154.